

Неделя №46

17 ноя 1974

Вот и у 13-й страницы юбилей настал! Сегодняшний ее гость — по счету 50-й! Народный артист СССР Игорь Моисеев, художественный руководитель ансамбля народного танца СССР. Лауреат Ленинской и Государственных премий СССР. Обладатель нескольких премий Оскара, почетных дипломов многих художественных академий мира. Человек, которому вручались символические ключи от двух десятков городов Европы и Америки, покоренных мастерством советских танцоров.

— Игорь Александрович, в «Неделе» вы бывали не раз. Давайте не повторять пройденного.

— Не будем. Да и вряд ли получится «дубль», ведь в нашей прессе об ансамбле пишут мало. Видимо, считается, что мы больше находимся за границей, так вроде и писать не о чем. А ведь все наоборот: по традиции мы каждый год гастролируем в родной стране. Только в минувшем сезоне побывали на Украине, Урале, Алтае, в Сибири и дали десятки представлений.

— На концерт моисеевцев вообще трудно достать билет, но за рубежом к вам повышенный интерес. Ваше мнение — почему?

— Убежден, что главная причина — в коренном отличии советской хореографии от западной. Иногда пишут, что зарубежный зритель поражается техничностью, виртуозностью наших танцоров; это не совсем верно. На Западе много артистов обладают великолепной техникой. Скажем, в Лондоне, в мюзик-холле, я видел танцовщицу — на хрустальном пьедестале в форме бокала она выполняла 64 фуэте подряд! Такое мало кому под силу! Но в то же время она была словно автомат, ничего не выражала. А для нашей — русской, советской — хореографии характерна высокая эмоциональность, богатство мыслей. Когда мы обрушиваем на зарубежного зрителя шквал чувств, настроений, экспрессии, выраженной в танце, он приходит в восторг. Один британец, посмотрев сцену «Партизаны», написал: «Теперь я понимаю, почему вы победили в войне с фашизмом».

— Но бывает, в зарубежной прессе напрямую связывают ваши концерты с политикой...

— Что ж поделаешь... Мы стремимся средствами танца доставить людям приятные минуты, будить в них благородные начала. Но находится кто-то, кому дружеские устремления не нравятся. Вспоминаю первые гастроли по Южной Америке; ансамбль должен был переехать из Бразилии в Аргентину. Вдруг нам запретили везд. Что делать? Я вылетел в Буэнос-Айрес на переговоры. Там чиновник, от которого зависела судьба гастролера, сказал: «Мы не запрещаем, однако пусть все ваши ар-

тисты дадут нам отпечатки пальцев». «Хорошо, — ответил я, — но, учитывая специфику нашей работы, мы дадим отпечатки пальцев ног — на всех площадках, где будем выступать». Ответ, по-видимому, понравился чиновнику — везд был разрешен без полицейских процедур. Гастроли в Буэнос-Айресе начались в переполненном зале. После каждого номера — буря аплодисментов. Вдруг возле сцены что-то взрывается! И сразу же наши артисты буквально заливаются слезами. Ясно: слезоточивый газ. Я сидел в первом ряду партера; встал и крикнул: «Продолжать работу!» Закрыв глаза, преодолевая удушье и спазмы, заканчивали представленные танцоры. Оvation потом длилась час! На завтра в газетах аршинные анонсы: «Против русских бессильны даже газы!».

Всякое бывало... Но в том-то и сила подлинного искусства, что оно утверждает красоту, жизнелюбие и потому пробивается к человеческим сердцам сквозь любую броню равнодушия или антипатии. Находясь за рубежом, мы получаем тысячи писем со словами благодарности, выражением искреннего восхищения. Мы обрели в мире миллионы доброжелателей, друзей.

— А что особенно запомнилось в зарубежных поездках?

— Знаете, столько пережито. Не забуду, например, вручение ансамблю знамени кубинской революции — его вручало правительство Кубы. А встречи с Вильгельмом Пиком, Клементом Готвальдом, Юмжагином Цеденбалом, Пальмиро Тольятти, с Индирой Ганди? С журналистами

«Юманите»? С рыбаками Палермо? С Элизабет Тейлор, Ричардом Бертоном, другими звездами мирового искусства?..

— Ваш ансамбль все чаще называют театром народного танца — почему?

— Такое название соответствует сути. Известный импресарио Сол Юрок так и представлял нас в Штатах: «Театр народного танца». Для этого есть все основания. Хореография — искусство в высшей степени синтетическое, где сочетаются и дополняют друг друга элементы музыки, живописи, пантомимы, драматургии, ибо танец не бывает бесконфликтным и всегда содержит зерно драмы; наконец, внутреннего и внешнего ритма — того, который Станиславский называл «ритмо-темпом»...

— Выходит, постановщику народных танцев надо быть одновременно и танцором, и живописцем, и музыкантом, и драматургом, и этнографом, и историком, и специалистом по костюму... Как вы учились всему этому? И у кого?

— Специфика работы заставляла обращаться к разным жанрам искусства. И по образованию я искусствовед, это тоже сказалось во всех поисках в области народной хореографии... Главный учитель, пожалуй, сама жизнь. В ней находишь новые темы, сюжеты, образы. А формы танца мы разрабатываем, используя метод художественного обобщения.

— А кто конкретно стал для вас творческим образцом?

— Как и многие наши хореографы, я воспитывался на твор-

честве Михаила Фокина, человека, который необычайно много сделал для нашей национальной культуры. Когда я, 24 лет от роду, стал балетмейстером Большого театра, впервые увидел фокинскую «Шопениану», она меня потрясла. Все в ней было: и эмоциональность, и логичность действия, и содержательность, и совершенство формы. Высоко ценю достижения Александра Горского, из зарубежных хореографов — Джона Крэнко, Джерома Роббинса.

Но я продолжу. Мы ищем всюду — в литературе, в архитектуре, в орнаменте народного костюма, в устных преданиях, в ритмической структуре песен... Собираем и разрозненных деталей цельный образ танца, изучаем замыслили идею фольклорных первоисточников, сравниваем схожие черты искусств родственных народов и находим в этом калейдоскопе контуры — только контуры — новой, прежде не существовавшей пляски. Затем воплощаем отсутствующие звенья. И, наконец, сочиняем танец и наряжаем его в сценические одежды. Если удалось раскрыть сущность национального характера, то, чем живет народ, — можно считать, что цель достигнута и танцу обеспечена творческая жизнь.

Скажем, в одной аргентинской деревне мы увидели темпераментную пляску местных пастухов. И появилась мысль: воссоздать на сцене не эту пляску, а новый, оригинальный танец, который бы символизировал не какую-то сторону народного быта, а стал бы обобщенной характеристикой народа Аргентины. Так был задуман наш, известный теперь всюду «Гаучо».

Или такой пример. В репертуаре у нас есть «Бульба». Такого народного танца не существовало. Но когда-то в Белоруссии была популярна песня «Бульба», в ней говорилось о большом урожае бульбы — картошки. Когда я узнал текст этой песни, захотелось передать его в танце, выразить пластически. И народ признал нашу пляску своей; я видел, как исполняют ее в белорусских деревнях, на клубных сценах. Вообще так или почти так возникли все работы, которых у нас на сегодня больше трехсот.

— Наверное, реквизит у вас огромный?

— В каждую большую поездку возим тысячи пар танцевальной обуви. А костюмы! Одним «Половецким пляскам» их требуется больше сотни!

— Говорят, вы предъявляете к артистам ансамбля огромные требования...

— ...и вообще занимаюсь муштрой?.. Право же, нет. Я лишь требую от артистов, чтобы они уважали свою собственную профессию. Артист обязан обладать безудержной техникой, обязан, не выходя за пределы жанра, уметь передать мысль, характер сочинения. Иначе — фальшь, она погубит любой замысел. Безусловно, необходимо и внешнее обаяние. Обязательно умение играть на баяне или бубне, мандолине, гитаре, а лучше — на том, другом, третьем и еще на барабанах.

— Кто видел репетиции ансамбля, поражается той легкости, с которой вы показываете своим артистам сложнейшие элементы техники. Не всякий солист может сразу такое повторить! Как же удается, в 68 лет?

— Кто его знает! Наверно, еще осталась доля энергии, накопленной в юности. Я много

занимался спортом: был чемпионом Москвы по плаванию среди школьников, увлекался легкой атлетикой, прыжками в воду. С рюкзаком за плечами исходил Памир, Киргизию, Кавказ, Крым. Туризм не только закалил физически, но и помог познакомиться с колоритом танцев разных народов. Сказываются и 15 лет, проведенные в балетной труппе Большого театра, и многие годы ежедневного тренажа.

— Игорь Александрович, ответьте: существует для вас нечто неприемлемое в творчестве?

— Да. Сейчас скажу. Самое опасное состояние — когда кажется, что все вершины взяты и лавры завоеваны. Как раз тут и жди беды. В искусстве финалов нет — одни продолжения.

— Выходит, вы осторожно относитесь к славе?

— Ноша славы и ответственна, и утомительна. Не дай бог возомнить себя гигантом — станешь позером. Труд сегодня должен быть лучше, чем вчера, иначе слава делается вчерашней.

— Ансамбль недавно больше трех месяцев гастролировал в крупнейших городах США. Судя по рецензиям в американской прессе, был успех?

— Такой, что даже самые «неприветливые» издания раскрывали веера лестных эпитетов. Казалось, нет конца овациям. Однако и без эксцессов не обошлось. На концерте нью-йоркской «Метрополитен-опера» группа хулиганов-сионистов вылила в оркестровую яму ведро жидкости, издающей отвратительный запах. Американские музыканты прекратили игру, и нашим пришлось танцевать без аккомпанемента — под аплодисменты зала. Но, замечу, зрители изрядно поколотили хулиганов и сдали полиции в весьма плачевном состоянии.

— Ансамбль оставляет вам время еще на что-нибудь?

— Коллекционирую марки. Люблю шахматы. Хотите, сыграем «испанскую»?

— С удовольствием! (Игорь Александрович надевает очки, мы расставили фигуры на доске, и началась партия, которая на 30-м ходу завершилась ничьей).

— Сколько же всего стран объехали моисеевцы?

— Точно не скажу, но не меньше шестидесяти.

— И если сплюсовать километры ваших дорог...

— ...то с избытком хватит до Луны!

— У вас есть девиз?

— «Не кривить душой!» Искусство не терпит и не прощает компромиссов с совестью.

— И последнее — о цифре 13.

— Ничего не имею против цифры 13, как и против всех других цифр. Впрочем, на всякий случай позвоните мне после тринадцатого...

Гостя принимал
Юрий БЕСПАЛОВ.
Фотографировал
В. Ахломов.

«Неделя» поздравляет предыдущего, 49-го гостя 13-й страницы, старейшину Палеха Николая Михайловича Зиновьева, которому на днях присвоено почетное звание — народный художник СССР.